

СТАТЬЯ ЛЮДВИГА ПИЧА
«ЦАРИ И ФЕЙ В САЛОНЕ ТУРГЕНЕВА» (1867)

Публикация Л. Сундквиста

Публикуемая в немецком оригинале и (впервые полностью) в русском переводе статья Людвиг Пича (1824–1911) «Fürsten und Feen im Salon Turgenjew», которая в конце 1867 года была напечатана в первом номере нового немецкого журнала «Der Salon für Literatur, Kunst und Gesellschaft», представляет несомненный интерес не только в биографическом плане, поскольку в ней идет речь об одной из вершин «баденского» периода жизни Тургенева, а именно о первых представлениях «Последнего колдуна» — самой известной и популярной из оперетт, совместно созданных им и Полиной Виардо, — но и в отношении истории восприятия в Германии творчества и самой личности великого русского писателя, поселившегося в 1863 году в живописном Баден-Бадене. В статье почти ничего не говорится о литературной деятельности Тургенева как таковой, да и вообще он, как на рисунке, который Пич приложил к своей статье, предстает как бы стоящим в стороне, с высоты своего чуть ли не гигантского роста спокойно созерцающим чудеса, творящиеся на сцене его домашнего «театра». На них, естественно, сосредоточено и внимание автора статьи. Мы не найдем здесь ни тех отчетов о личном общении с Тургеневым, ни тех метких характеристик, которые Пич дал в других своих статьях и в воспоминаниях о покойном друге,¹ тем не менее по прочтении этой статьи сразу становится очевид-

¹ Фрагменты из воспоминаний Пича о Тургеневе в русском переводе издавались неоднократно. См., например: Иностранная критика о Тургеневе. СПб., 1884. С. 140–183; 2-е изд. СПб., <1909>. С. 74–93; И. С. Тургенев в воспоминаниях

ным, почему Пич — пожалуй, самый восторженный из немецких почитателей таланта русского писателя — до сих пор с полным правом считается одним из наиболее ярких «пропагандистов» Тургенева на западе.

Пич — «первый фельетонист» Германии по определению самого Тургенева² — употребляет все ресурсы своего красноречивого пера, чтобы убедить немецкого читателя в том, что в эпоху обостряющегося в европейских странах национализма творческое содружество Тургенева и П. Виардо в Баден-Бадене служит примером того, как в стремлении к «прекрасной и чисто человеческой культуре» через воздействие искусства можно стать выше узких и односторонних национальных интересов. Здесь уместно привести выдержку из другой статьи Пича, озаглавленной «Возвращение домой окольными дорогами», которая появилась несколько ранее публикуемой нами статьи. Уже в ней, рассказывая о любительских спектаклях на вилле Тургенева, Пич рассматривает эту деятельность с точки зрения высокого гуманистического идеала: «Французская оперетта, либретто которой, написанное русским, положила на музыку испанка со всей теплотой чисто „немецкой“ задушевности и которую исполняют французские, испанские, итальянские, бельгийские и немецкие артистки и любители на немецкой земле, принадлежащей русскому владельцу, да притом перед публикой, в которой смешаны *все* страны, хотя в основном это немецкая публика — можно ли за пределами этой долины найти такое же „*concours international*“ <«международное содружество» — *франц.*>, сложившееся во имя чистого культа искусства и красоты, ради осуществления идеи об идеальном, подлинно человеческом непринужденном общении?!».³

Примечательно, однако, что Пич ни словом не обмолвился о сатирическом подтексте оперетт Виардо—Тургенева, направленном прежде всего против ненавистой им империи Наполеона III, а представил их некими созданиями чистого искусства. На самом деле именно этот аспект делал их столь привлекательными для некоторых из прусских вельмож, посещавших салон Тургенева — особенно для короля Виль-

современников: В 2 т. / Сост. и подготовка текста С. М. Петрова и В. Г. Фридлянд; примеч. В. Г. Фридлянд. М., 1969. Т. 2. С. 259–273; то же: 1) *Т в восп совр.* Т. 2. С. 244–257; 2) И. С. Тургенев в воспоминаниях современников / Сост., вступит. ст. и коммент. к разделу «Воспоминания» В. Г. Фридлянд. М., 1988. С. 253–266.

² В письме к Гюставу Флоберу от 5 (17) мая 1874 г.: *ПССУП(2)*. Т. 13. С. 275. Подлинник по-франц.

³ *Pietsch Ludwig*. Heimfahrt auf Umwegen // *Vossische Zeitung*. 1867. 6. Oktober — 17. November. N 40–46. Цит. по: *Turgenjew Iwan*. Briefe an Ludwig Pietsch / Hrg. von Christa Schultze. Berlin; Weimar, 1968. S. 150. Далее — *Briefe an Pietsch*.

гельма, который, мало смысла в музыке, расхохотался, однако, от трескучих фраз «последнего колдуна» Кракамиша в исполнении самого Тургенева. Очевидно, что Пич в какой-то степени идеализировал эти оперетты — скорее всего из понятного желания изобразить их как цельное воплощение идеала «международного содружества», которое можно было противопоставить напряженной предвоенной атмосфере в Германии и во Франции в те годы. О том, что эти незатейливые любительские спектакли вряд ли могли остановить намечавшуюся уже тогда войну между двумя соседними странами, свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что главный зачинщик франко-прусской войны, Бисмарк, во время летнего пребывания в Баден-Бадене «никогда не ходил вместе с королем в виллу Виардо на музыкальные утренники», как вспоминал позднее Пич.⁴ А на представлениях оперетт встретить в аудитории «железного канцлера» и подавно было невозможно.

Теперь скажем несколько слов об обстоятельствах, при которых появилась статья Пича. С начала июня⁵ 1867 года Пич в качестве корреспондента газеты «Vossische Zeitung» провел три месяца в Париже, чтобы доложить своим читателям о проходившей там Всемирной выставке. Во французской столице он имел возможность общаться и с Тургеневым, приехавшим из Баден-Бадена, чтобы осмотреть выставку, в особенности русскую ее часть.⁶ Уехав из Парижа, Пич не сразу вернулся в Берлин, а в начале сентября остановился на несколько недель в Баден-Бадене у Тургенева, в квартире которого на Шиллерштрассе он с 1864 года гостил каждое лето. В уже упоминавшейся статье «Возвращение домой окольными дорогами», печатавшейся на страницах «Vossische Zeitung» в течение октября — ноября 1867 года, он между прочим писал и о представлениях «Последнего колдуна», на которых присутствовал во время летнего пребывания в Баден-Бадене. Для первого выпуска основанного в декабре 1867 года Юлиусом Роденбергом и издававшегося в Лейпциге журнала «Der Salon für Literatur, Kunst und Gesellschaft»⁷ Пич собрал

⁴ См.: *Pietsch Ludwig*. Wie ich Schriftsteller geworden bin. Der wunderliche Roman meines Lebens / Hrg. von Peter Goldammer. Berlin, 2000. S. 540. Далее — *Pietsch*.

⁵ Здесь и далее все даты, если не оговорено особо, даны по новому стилю.

⁶ См. письмо Тургенева к Пичу от 5 (17) июня 1867 г. и коммент. к нему: *ПССуП*(2). *Письма*. Т. 7. С. 222, 395–396.

⁷ В журнале «Der Salon für Literatur, Kunst und Gesellschaft» при жизни Тургенева было опубликовано два его произведения в переводе на немецкий язык — рассказ «Странная история», который под заглавием «Eine wunderliche Geschichte» был напечатан в октябрьском номере журнала за 1869 г., и очерк «Казнь Тропмана», появившийся в июле 1870 г. Публикация немецкого перевода «Странной истории»

воедино свои впечатления от этих спектаклей в отдельную статью, сопроводив ее гравюрой, выполненной по его рисунку.

Если для Пича представления оперетт Виардо—Тургенева в Баден-Бадене (он попал и на представление самой первой из них — «Слишком много жен») служили поводом для размышлений о возможности плодотворного соединения представителей разных наций в совместной творческой работе, то для русских современников Тургенева интерес представляли прежде всего содержащиеся в статье Пича подробности о жизни писателя за границей. Это видно из вступительной заметки к русскому (неполному) переводу статьи «Fürsten und Feen im Salon Turgénjew», который появился анонимно под заглавием «И. С. Тургенев в Баден-Бадене» в февральском номере журнала «Современное обозрение» за 1868 год. Переводчик объяснил свое решение познакомить русскую публику с этой статьей тем, что она «вероятно <...> поинтересует читателей таланта г. Тургенева, так как она весьма живо изображает теперешнюю обстановку и образ жизни нашего талантливого романиста».⁸ По той же причине С. А. Венгеров в своем критико-биографическом этюде о Тургеневе, вышедшем в 1875 году, целиком перепечатал перевод статьи Пича из «Современного обозрения».⁹

Из краткого послесловия к этому переводу видно также, что анонимный переводчик до некоторой степени разделял чувство тайной обиды на Тургенева, которую испытывали многие русские современники за то, что он «отшатнулся» от родины, предпочитая жить в «прекрасном далеке». (Здесь нельзя не упомянуть о том, что знаменитое посещение Тургенева в Баден-Бадене Достоевским 28 июня (10 июля) 1867 года, сказавшееся затем в образе Кармазинова в «Бесах», состоялось менее чем за три месяца до представления «Последнего колдуна», о котором идет речь в статье Пича.) Отметив, что к статье Пича в «Salon» приложен выполненный им рисунок (который не был воспроизведен в «Современном обозрении»), переводчик сделал упрек самому Тургеневу: «Если г. Pietsch получил возможность срисовать эту картинку, с натуры, то надо полагать, что и статейка его сообщена европейской

в «Салоне» явилась первой публикацией этого рассказа, что привело к известному столкновению Тургенева с А. А. Краевским, напечатавшим в своей газете «Голос» «Странную историю» в обратном переводе с немецкого. Об этом см. подробнее: *ИССУП(2)*. Соч. Т. 8. С. 470–471, коммент. Л. М. Лотман.

⁸ И. С. Тургенев в Баден-Бадене // Современное обозрение. 1868. № 2. С. 96 (Отд.: «Разные известия»).

⁹ См.: Венгеров С. А. Иван Сергеевич Тургенев: В 2 ч. СПб., 1875. Ч. 2. С. 157–160.

публике не без ведома г. Тургенева. И если так, то мы считали бы не совсем любезным со стороны нашего поэта, что он не дал случая своим соотечественникам ознакомиться с такими подробностями его образа жизни, с которыми находит возможным знакомить германскую публику и которые наверное гораздо более интересуют публику русскую».¹⁰

Предположение переводчика о том, что «статьейка» Пича появилась с ведома Тургенева, подтверждается двумя письмами последнего к Пичу в Берлин. К ним писатель приложил фотографии детей П. Виардо в костюмах, в которых они выступали на представлениях «Последнего колдуна», чтобы помочь своему другу в окончательном оформлении рисунка (см. примеч. 23 к наст. публикации). Однако это не означает, что Тургенев выступил инициатором написания данной статьи с целью тайной саморекламы. Если говорить о рекламе, то следует скорее предположить, что Тургенев приветствовал статью Пича как весьма лестный отзыв о композиторской деятельности П. Виардо — о «второй карьере» певицы, ради которой Тургенев, подобно любимому им ламанчскому рыцарю, сломал не одно копьё.¹¹

Хотя перевод статьи Пича, напечатанный в «Современном обозрении», отличается весьма хорошим слогом и переводчик, по собственному признанию, «старался возможно ближе держаться подлинника», мы тем не менее решили перевести статью заново, так как в «старом» переводе были опущены не только отдельные слова, но и целые предложения. В первую очередь это коснулось приведенных Пичем цитат из немецких поэтов, которые, как, очевидно, посчитал переводчик, ничего не говорили «рядовому» русскому читателю того времени. Немецкий текст печатается по тексту первой публикации: *Der Salon für Literatur, Kunst und Gesellschaft*. 1867. Bd. 1. Dezember. S. 81–84, с сохранением старой орфографии.

Fürsten und Feen im Salon Turgénjew* (Baden-Baden, Herbst 1867)

Es ist eine schöne Sache um die Nationalität, und das Dichterwort: «Kein Mensch gedeihet ohne Vaterland»,¹ hat seine volle, gute Berechtigung. Aber,

¹⁰ И. С. Тургенев в Баден-Бадене. С. 98.

¹¹ См. статью Тургенева «Первое представление оперы г-жи Виардо в Веймаре»: *ПССуП(2)*. Соч. Т. 10. С. 293–302.

* Факсимиле статьи Пича для настоящей публикации было любезно предоставлено Николаем Глебовичем Жекулиным.

wie sehr diese beiden heiligen Güter nicht nur des Schweißes, sondern auch des Blutes «der Edlen» werth sein mögen, das darum in allen Landen und zu allen Zeiten vergossen wurde: so ist es darum doch ein nicht weniger angenehmes Bewußtsein, daß es in der Welt immer einige, gleichsam neutrale Gebiete giebt, wohin Die, welche sie betreten, jene großen leidenschaftlichen Gefühle, die Sympathien und Antipathien, die aus denselben hervorgehen, nicht mitzunehmen scheinen.²

Ein solches neutrales Terrain bietet auf deutscher Erde kaum eine andere Gegend, als das reizende Thal zwischen den Vorhöhen des Schwarzwalds, welches die Oos durchfließt und das berühmte «alte Schloß»³ beherrscht, der sommerliche Sammelplatz der «besten Gesellschaft» Europas, das schöne Baden-Baden.

Neben und außerhalb jener kosmopolitischen Welt, wie man sie überall trifft, wo Heilquellen sprudeln und — zu unserer Schande noch — im Glücksrad die Kugel rollt,⁴ ist hier an der Oos eine Gesellschaft erwachsen, welche in sich jede sonst trennende Nationalitätsschranke beseitigt hat, um in Thätigkeit und echtem Lebensgenuß das Ziel einer schönen rein menschlichen Cultur nur um so vollendeter zu verwirklichen.⁵ Mit dem eigentlichen Badetreiben hat dieser auserwählte Cirkel nichts gemein, seine Existenz wird von jener schimmernden, bunten, rauschenden Welt nicht berührt. Ihren Stamm bilden auch nicht die sommerlichen Zugvögel, nicht die Badegäste, welche die Saison herführt und die deren Schluß wieder zerstreut: sondern einige hochgebildete, glücklich situirte Familien, den verschiedensten Ländern Europas entsprossen, die, von den unvergleichlichen Reizen Badens gefesselt, den seitherigen Aufenthalt an den großen Centralpunkten des modernen Lebens mit diesem trauten Wiesen- und Waldparadies dauernd vertauschten. Wenn der Sommer den Kreis auch immer wieder erweitert, so löst ihn der Winter doch nicht gänzlich auf. Sie bleiben mit fester Treue dieser schönen Heimat verbunden, um so mehr, da diese sie zu keinem Verzicht auf die Bedürfnisse des Geistes, des Geschmacks, der Eleganz und des Comforts nöthigt, welche zu ihren Lebensgewohnheiten untrennbar gehören. — Um *ein* Haus gruppirt sich ihre Mehrzahl: um das Louis Viardots und der großen Gesangsmeisterin, seiner Gattin Paulina.⁶ Der Name dieses berühmten Ehepaars wird dort kaum genannt ohne einen andern nicht minder glänzenden, dem eines der Familie nahestehenden Freundes, des großen russischen Erzählers, des Autors vom «Tagebuch eines Jägers»,⁷ der «Väter und Söhne»,⁸ der «Erscheinungen»:⁹ Iwan Turgénjew's. Auch er, der «vieler Menschen Städte gesehen»,¹⁰ hat hier, fern von dem Vaterland und den Besitzungen seiner Väter, eine Heimat gefunden. Nahe hinter der Villa Viardot, im Thiergartenthal zur Seite der Lichtenthaler Allee, erheben sich nun über die

Bäume des Gartens die steilen Dächer und die hohen Kamine der schloßartigen Villa, die er sich hier zum Wohnsitz errichtete. Seltsam aber ist es, daß er, der sie sich hier zwischen Wald und Wiesen erbaute, sie nun, da sie fertig ist, gar nicht bewohnt. Der eben so vornehm stattliche, als anmuthig einladende Bau, eingerichtet und möblirt vom Boden zum Keller, steht verlassen und unbenutzt.¹¹ Der Schloßherr zieht es vor, in seinem Garni, das ihn seit vier bis fünf Jahren beherbergte,¹² zu bleiben. «Wozu bedarf ein Dichter und Jäger noch eines Schloßchens, und des ganzen, sich daran hängenden Lebenstrains?» mag er sich gefragt haben.

Aber in diesem letzten Sommer ist es trotzdem zu wiederholten Malen lebendig in seinen Sälen und Zimmern geworden. Das frischeste, heiterste, klingendste Leben, Kunst, Anmuth, Jugendlust und schöner Ernst sind darin eingezogen und haben andre Mächte sich nachgelockt. Elfen und Feen mit ihrer Königin machten die Räume des Schloßchens zum Tummelplatz ihrer Spiele und die realen Fürstlichkeiten dieser Erde sind ihnen gefolgt, um ihr Treiben und ihre Lieder zu belauschen, — wie es unser Bild zeigt.¹³

Doch wir wollen statt eines Räthsels eine Erzählung geben. Turgénjew hatte einige reizende Feenstücke gedichtet und Paulina Viardot die Musik dazu gesetzt.¹⁴ Um diese künstlerische Schöpfung zweier befreundeter Geister ans Licht treten zu lassen, hat man hier in Baden, an diesem Vereinigungspunct aller besten Musikkräfte¹⁵ nicht erst nöthig, bei Theaterdirectoren und Intendanten zu sollicitiren, noch Sänger und Journalisten zu interessiren. Da ist immer ein tenor- oder barytonbegabter, künstlerisch geschulter Freund, da sind immer junge Sängerinnen, welche mit froher Bereitwilligkeit jede zuertheilte Rolle übernehmen, zu der sie die verehrte Leiterin ihrer Studien, die hier zugleich den Bühnen- und Orchesterdirigenten, ja zugleich das ganze Orchester in ihrer Person darstellt, bestimmt.¹⁶ Und der Raum, um das «leichte Schaugerüst» aufzuschlagen — wo war er besser zu finden, als in des Dichters Hause selbst, im Salon der bewohnerlosen Villa Turgénjew?¹⁷

Und so geschah es, daß eines Tags die bisherige Stille und Verlassenheit ein Ende nahm; daß in den Waldbergen ringsum das Echo erweckt wurde von all den reizenden Klängen, von Liedern und Chören, von süßen Mädchen- und kraftvollen Männerstimmen, die sich im kunstreichen Sange verflochten und verschmolzen, und bald auch von dem Beifalljubel entzückter Hörer.

Man kennt, auch außerhalb Badens, die in ihrer Art vielleicht einzige Freundschaft, mit welcher Königin Augusta von Preußen, der treueste Sommergast seines Thals, die große Künstlerin seit langen Jahren unwandelbar ehrt.¹⁸ So wenig wie in den Sonntagsmatineen¹⁹ der Villa Viardot mochte die hohe Frau im Auditorium dieser Operaufführungen fehlen, die sich wäh-

rend des August und September in häufigen Wiederholungen folgten.²⁰ Jene kosmopolitische und auserwählte Badische Gesellschaft, die europäische Aristokratie des Geistes und der Kunst, wie sie hier so zahlreich vertreten, bildete das Publicum, dessen von der Anmuth der Musik, der Dichtung und Ausführung immer von neuem angeregter, froher Enthusiasmus von dem allverehrten königlichen Gast aufs lebhafteste getheilt und in der innigsten Weise kundgegeben wurde. «Das muß der König sehen, wenn er kommt», so schloß die Fürstin den Ausdruck ihrer Freude gegen die Componistin und den Schloßherrn. Und bald genug sollte sich diese Ankündigung erfüllen. In der zweiten Hälfte des September traf König Wilhelm in Baden ein, und am Abend des 24. September²¹ sah der Salon des Schloßchens eine der merkwürdigsten Gesellschaften in sich vereinigt, welche vielleicht jemals sich in eines einfachen, orden-, titel- und amtlosen Privatmannes und Schriftstellers Haus zusammenfand. Es sollte derselben hier freilich etwas ganz Erlesenes geboten werden, die erste²² Aufführung der *neuesten* Operette «Cracquamiche, le dernier des sorciers», ein heitres, seltsames, phantastisches musikalisches Märchen.

Wie unser Bild zeigt, das ich, wie es dort lebendig vor mir stand, an jenem Abende in meinem Album skizzirte,²³ kann nichts einfacher sein, als die Scenirung dieser improvisirten Salonbühne: ein grüner Vorhang trennt sie vom übrigen Saalraum, ein Paar Oleandersträuche geben den Wald, ein Fensterversatzstück bedeutet die Hütte. Allein der Zauber der wahren Poesie ist unabhängig von complicirten und sinnetäuschenden Vorrichtungen.²⁴ Wer an jenem Abend die beiden holdseligen Schwestern sah, durch die fast noch kindlichen Töchter Viardots dargestellt,²⁵ die Elfenkönigin auf der Schulter der jüngeren lehnend, den Herrscherstab in der Hand, den verklärten Blick nach oben gerichtet, — wer sie, von dem Chor der Feen umgeben, jenen Schlußgesang des ersten Actes: «la lune, notre blanche reine»²⁶ anstimmen hörte, der hat das gewiß zu eigner Verwunderung an sich selber erfahren.

Jedenfalls war die herzliche Freude und Befriedigung eine ganz allgemeine und wenn ich die Wahrheit gering genug geachtet hätte, um auf der Zeichnung König Wilhelms Antlitz statt seines Hinterhauptes zu zeigen und von Seiner hohen Gemahlin mehr als das verlorne Profil, so würde der Beschauer gewiß den Abglanz jener Empfindungen darin gelesen haben.²⁷ Mir bleibt noch übrig, den geneigten Leser mit den anderen Persönlichkeiten meines Bildes bekannt zu machen. Die Damen zu beiden Seiten des Königs sind die Töchter Bettina's von Arnim²⁸ Gräfin Flemming²⁹ (die Gattin des Gesandten in Karlsruhe,³⁰ den man auf dem ersten Stuhl im nächsten Vordergrund zur Rechten sitzen sieht), und Gräfin Oriolla,³¹ Palastdame I. M. der Königin von Preußen; die Damen in der Reihe davor die Hofdamen, welche

Иhre Majestät begleiteten: Prinzessin Carolath³² und Gräfin Brandenburg,³³ welche ihr Profil dem Beschauer und — dem Preußischen Hausminister Grafen Schleinitz³⁴ zuwendet. Der männliche Kopf zunächst der Königin ist der des Gatten der Componistin, Louis Viardots, des geistvollen und gelehrten Kunstforschers; die drei stehenden Herren: Baron v. Frentz,³⁵ der Königin Kammerherr, den die Länge seiner Gestalt und seiner blonden Favoris kennzeichnet, vor dem berühmten Geiger Léonard, dem Vetter von Mad. Viardot,³⁶ und dem geheimen Legationsrath Abeken,³⁷ welchen die Franzosen mit dem vielsagenden Titel «la plume de Bismarck» nennen. Auf der andern Seite mag man vielleicht, trotz der perspektivischen Verschiebung, den graulockigen, schwarzbärtigen Kopf des Hofmarschalls Grafen von Pückler³⁸ und über dem des Grafen Flemming das unerbittlich energische Antlitz des General von Bayer³⁹ erkennen. Daß am Clavier dort vor dem Kamin niemand anders als Mad. Viardot selbst sitzt, brauche ich kaum erst zu sagen; an dessen Sims aber lehnt Turgénjews gewaltige Gestalt, sein Werk, seinen Salon und dessen ungewohnte Gäste überblickend.⁴⁰

Letzterer hat seit jenem Abend noch andere, in noch gesteigerterm Glanz beherbergt; zu diesen lieblichen Feen hat ein Parterre von noch zahlreicheren Fürsten an mehr als einem Octoberabend Beifall lächelnd aufgeblickt, wie man mir und wie es jede Zeitung aller Welt erzählte.⁴¹ Wenn man in Baden einziehend die nationale Einseitigkeit gleichsam draußen zurückläßt, so scheinen die Thüren dieses Salons wie eines Tempels der reinen Kunst, die Schranken und Ansprüche gleichsam auszuschließen, welche Rang, Geburt, Macht, Weltstellung aufrichteten und gaben, und nicht nur «die Weisen», sondern auch die Mächtigen dieser Erde «neigen oft am Ende dem Schönen sich».⁴²

L. P.

Перевод:

Цари и феи в салоне Тургенева
(Баден-Баден, осенью 1867 г.)

Хорошая вещь национальность, и слова поэта о том, что «без отечества никто не может процветать»,¹ вполне справедливы. Однако, как бы оба этих святых блага ни стоили не только пота, но даже крови «благородных», которая проливалась ради них во всех странах и во все времена, это нисколько не мешает предаваться приятному сознанию того, что в мире всегда существуют некоторые, так сказать, нейтральные области, куда те, кто входит в них, очевидно не приносят с собой ни тех великих страстей, ни вызванных ими симпатий и антипатий.²

Чуть ли не единственной местностью на немецкой почве, представляющей собой такую нейтральную область, можно считать прекрасную долину среди предго-

рий Шварцвальда, через которую льется р. Оос и над которой высится знаменитый «старый замок»³ — летний центр притяжения для «сливков» европейского общества, сиречь прекрасный Баден-Баден.

Вблизи, но за пределами того космополитического мирка, с которым можно столкнуться повсюду, где бьют ключи целебной воды и — к стыду нашему — по рулетке крутится шарик,⁴ здесь на берегу Ооса возникло сообщество, которое преодолело все разъединяющие людей национальные преграды, чтобы деятельно и в полную меру отдать прекрасной и чистой цели служения человеческой культуре.⁵ С курортной жизнью как таковой этот кружок избранных не имеет ничего общего. Его существование не пересекается с блестящим, пестрым и шумным светом. Сердцевина этого кружка состоит также не из летних перелетных птиц — курортных гостей, которых приводит сюда начало сезона и которые по его окончании опять разъезжаются, а из нескольких высокообразованных, обеспеченных семейств, родом из самых разных стран Европы, которые, будучи очарованы несравненными прелестями Бадена, решили навсегда поменять свое прежнее место пребывания в крупных центрах современной жизни на этот уютный рай лугов и лесов. Кружок этот летом становится многолюднее, но это не значит, что зимой он совсем прекращает свое существование. Семейства, составляющие его, остаются неизменно верными этому прекрасному краю, тем более что пребывание здесь не требует от них отказа от тех потребностей ума, вкуса, изящества и комфорта, которые являются неотъемлемой частью их жизненных привычек. — Они в большинстве своем группируются вокруг *одного* дома — вокруг дома Луи Виардо и великой преподавательницы пения — его супруги Полины.⁶ Фамилия этой знаменитой четы там редко упоминается отдельно от не менее блестящего имени близкого друга этой семьи — великого русского писателя Ивана Тургенева, автора «Записок охотника»,⁷ «Отцов и детей»,⁸ «Призраков».⁹ Ведь и он, который «многих людей города посетил»,¹⁰ нашел себе приют здесь, вдали от отечества и от земли своих предков. Чуть поодаль за виллой Виардо, в Тиргартентале на стороне Лихтентальской аллеи, поднимаются теперь над деревьями сада крутые крыши и высокие трубы замкоподобной виллы, которую он себе здесь построил. Странно, однако, что, воздвигши себе эту виллу среди лесов и лугов, он совсем не живет в ней, несмотря на то что постройка ее уже окончена. Это строение, которое является столь же величественным, сколь изящным и привлекательным, внутри обставлено и меблировано от чердака до погреба, но стоит пустым и необитаемым.¹¹ Владелец замка предпочитает и дальше оставаться в нанятой им квартире, в которой проживает уже последние четыре, пять лет.¹² Он, должно быть, не раз задавался вопросом: «Зачем поэту и охотнику нужно еще иметь маленький замок и все расходы, связанные с ним?».

Тем не менее нынешним летом залы и комнаты этого замка оживлялись несколько раз. Самая свежая, веселая и кипучая жизнь, искусство, изящество, жизнерадостность молодости и величавая серьезность поселялись в его покоях и влекли за собой силы иного рода. Эльфы и феи со своей царицей во главе превращали палаты маленького замка в место для своих игр, и настоящие властители мира сего следовали за ними, чтобы подматривать их проказы и подслушивать их песни — как это видно на нашем рисунке.¹³

Не будем, однако, задавать загадок читателю, а расскажем лучше, в чем дело. Тургенев сочинил несколько прелестных феерий, а Полина Виардо положила их на

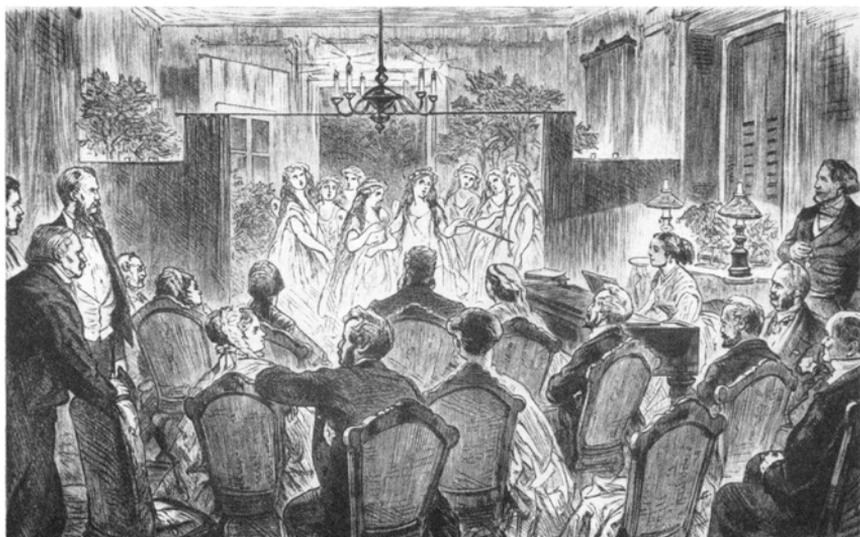
музыку.¹⁴ Чтобы выпустить в свет эти художественные творения двух родственных душ, здесь в Бадене — на этом собрании всех лучших музыкальных сил¹⁵ — совсем не нужно ухаживать за директорами и интендантами театров или завлекать певцов и журналистов. Ведь здесь всегда найдется приятель, одаренный тенором или баритоном и прошедший художественную выучку, всегда найдутся молодые певицы, которые с радостной готовностью возьмут на себя исполнение всякой роли, назначенной им обожаемой наставницей, которая в одном лице представляет и режиссера и капельмейстера и одновременно весь оркестр.¹⁶ А где еще можно найти более подходящее помещение для сооружения «легких подмостков», как не в доме самого поэта, в салоне необитаемой виллы Тургенева?¹⁷

Итак, однажды пришел конец доселе царившей тишине и заброшенности, и среди окружающих лесистых гор стало раздаваться эхо от всех тех восхитительных звуков, от песен и хоров, от сладостных девичьих и мощных мужских голосов, которые переплетались и сливались в высоко художественном пении, а вскоре также и от изысканий восторга зрителей.

И за пределами Бадена известна та, пожалуй, единственная в своем роде дружба, которой королева Пруссии Августа, самая неизменная летняя гостья этой долины, уже много лет непреложно удостоивает великую артистку.¹⁸ Неизменная посетительница музыкальных утренников, проходивших на вилле Виардо по воскресеньям,¹⁹ эта благородная дама старалась не пропускать ни одного из оперных представлений, которые проходили здесь в течение августа и сентября.²⁰ Публика на этих спектаклях состояла из того космополитического и избранного круга баденского общества, из той европейской аристократии духа и искусства, которая здесь столь многочисленно представлена. Зрители самым искренним образом проявляли свой то и дело вновь и вновь воспламеняющийся живой восторг от красоты и музыки, и либретто, и исполнения — восторг, который находил самое душевное сочувствие у всеми обожаемой королевской гостьи. «Король обязательно должен все это увидеть, когда прибудет», — заключила королева, поделившись своим восхищением от спектакля с композитором и с хозяином замка. Высказанное ею желание в скором времени действительно осуществилось. Во второй половине сентября король Вильгельм приехал в Баден, и вечером 24-го сентября²¹ салон маленького замка вмещал одно из самых необычных собраний гостей, которые когда-либо сходились в доме простого, незнатного и не состоящего на службе частного человека и писателя. Правда, собравшихся гостей тут ожидало нечто весьма изысканное, а именно первое²² представление совсем *новой* оперетты «Cracquamiche, le dernier des sorciers»^a — веселой, причудливой и фантастической музыкальной сказки.

Как показывает наш рисунок, который я в тот же вечер с натуры набросал в своем альбоме,²³ нельзя представить себе ничего проще обстановки этой импровизированной салонной сцены: зеленый занавес отделяет ее от остальной части зала, несколько кустов олеандра представляют лес, бутафорское окно означает хижину. Дело в том, что обаяние настоящей поэзии не нуждается в сложных и ослепительных фокусах.²⁴ Всякий, кто в тот вечер видел обеих милостивых сестер-эльфов, роли которых исполняли едва ли вышедшие из детского возраста дочери Виардо,²⁵ кто

^a «Кракамиш, или Последний колдун» (франц.).

Представление оперетты «Последний колдун» у Тургенева в Баден-Бадене.
Гравюра с рисунка Людвиг Пича (1867)

видел, как царица эльфов, склонившись на плечо младшей сестры, со скипетром в руке, устремила ввысь свой светлый взор, кто слышал, как она, окруженная хором фей, исполняла последний вокальный номер первого акта: «la lune, notre blanche reine»^{6, 26} — тот, наверное, с изумлением испытал это на самом себе.

Во всяком случае сердечная радость и удовлетворение от спектакля были всеобщими, и если бы я в должной мере пренебрег истиной, чтобы на своем рисунке изобразить лицо короля Вильгельма, а не его затылок, и чтобы представить его благородную супругу не в едва различимый профиль, то всякий, рассматривающий этот рисунок, несомненно разглядел бы в их чертах отблеск этих ощущений.²⁷ Засим мне остается только познакомить благосклонного читателя с остальными личностями, изображенными на моем рисунке. Дамы справа и слева от короля — это дочери Беттины фон Арним,²⁸ графиня Флемминг²⁹ (супруга нашего посланника в Карлсруэ,³⁰ которого можно видеть сидящим в кресле справа на следующем переднем плане) и графиня Ориола,³¹ фрейлина ее величества королевы Пруссии. Дамы в следующем ряду — это придворные дамы, которые сопровождали ее величество: княгиня Каролат³² и графиня Бранденбург,³³ оборачивающаяся в профиль к зрителю и — к прусскому министру двора графу Шлейницу.³⁴ Мужская голова рядом с королевой принадлежит супругу автора музыки к оперетте — Луи Виардо, мудрому и эрудированному искусствоведу. Три стоящих господина — барон фон Френц,³⁵ камергер королевы, отличающийся высоким ростом и длиной своих светлых бакенбард, стоит перед знаменитым скрипачом Леонаром — двоюродным братом г-жи

⁶ «луна, наша белая царица» (франц.).

Виардо³⁶ — и перед тайным советником Абекемом,³⁷ которому французы дали многоговорящее прозвище «la plume de Bismarck». ³⁸ С другой стороны, несмотря на сдвинутую перспективу, читатель, может быть, узнает седую голову с черной бородой гофмаршала графа фон Пюклера³⁸ и, чуть-чуть выше головы графа Флемминга, жесткое энергичное лицо генерала фон Бейера.³⁹ О том, что за роялем перед каминном сидит не кто иной, как сама г-жа Виардо, едва ли стоит упоминать. На камин опирается могучая фигура Тургенева, который осматривает свое же творение, свой салон и необычных посетителей его.⁴⁰

С того вечера салон Тургенева вмещал в себя и других гостей, и в еще большем блеске. Не один вечер на протяжении октября одобрительные взоры и улыбки еще более многочисленных высоких персон направлялись из партера вверх к этим прелестным феям, как сообщили мне лично и как всякий мог узнать из газет.⁴¹ Если, прежде чем въехать в Баден, вы, так сказать, отряхнете национальную односторонность, то двери этого салона покажут вам словно воротами в храм чистого искусства, куда нет прохода всем тем преградам и претензиям, которые воздвигаются и внушаются чинами, происхождением, властью и положением в мире. Вы увидите тогда, что не только «мудрецы», но и сильные мира сего «в конце концов зачастую преклоняются перед красотой».⁴²

Л. П.

¹ «*Kein Mensch gedeihet ohne Vaterland*» — последний стих предпоследней (9-й) строфы стихотворения Теодора Шторма «*Abschied*» («Прощание»). Шторм написал это стихотворение о прощании с родиной, которое его друг и собрат, великий немецкий романист Теодор Фонтане назвал одним из самых прекрасных его поэтических творений, в июле 1853 г., т. е. за несколько месяцев перед тем, как он с семьей покинул любимый родной город Хузум и эмигрировал в Пруссию, не будучи больше в состоянии терпеть притеснительную политику датских властей в Шлезвиг-Гольштейне. Пич не случайно начинает свою статью цитатой из стихотворения Шторма, так как именно он способствовал личному знакомству северогерманского поэта и новеллиста с Тургеневым и П. Виардо в сентябре 1865 г. О взаимоотношениях Шторма и Тургенева см.: *Schultze Christa. Theodor Storm and Turgenew. Materialien über eine deutsch-russische Dichterfreundschaft (1863–1883)* // I. S. Turgenew und Deutschland / Hrg. von Gerhard Ziegengeist. Berlin, 1965. S. 3–51; *Laage Karl Ernst. Theodor Storm und Iwan Turgenjew. Heide, 1967; Thieme Galina. Ivan Turgenew und die deutsche Literatur. Sein Verhältnis zu Goethe und seine Gemeinsamkeiten mit Berthold Auerbach, Theodor Fontane und Theodor Storm. Frankfurt/M., 2000. S. 107–137.*

² В этих размышлениях Пича несомненно сказываются впечатления от недавней войны между Австрией и Пруссией, закончившейся разгромом австрийских войск при Садовой 3 июля 1866 г. Будучи пруссаком, Пич не мог не приветствовать победу прусской армии, но в то же время жалел о насилии и враждебных чувствах, вызванных этой «немецкой войной».

³⁶ «перо Бисмарка» (франц.).

³ «Старый замок» — местное название замка Хоэнбаден (Schloss Hohenbaden), построенного в начале XII в.

⁴ В своих воспоминаниях о первом посещении Баден-Бадена летом 1863 г. Пич пишет о «демонической и пагубной силе притяжения» азартных игр для летних посетителей города. Он сам не поддался этому искушению, так как был наперед уверен в том, что будет только проигрывать. См.: *Pietsch*. S. 467, 469.

⁵ Как и Тургенев, Пич очень почитал творчество и мировоззрение Гёте. Его размышления о «сообществе людей», которое сложилось вокруг Тургенева и П. Виардо в Баден-Бадене под лозунгом «прекрасной и чистой цели служения человеческой культуре», напоминают тематику позднего романа Гёте «Годы странствия Вильгельма Мейстера» (см., например, главы о жизни в замке Макарии).

⁶ Луи и Полина Виардо вместе с младшими детьми переселились из Парижа в Баден-Баден в конце апреля 1863 г. В августе того же года они приобрели двухэтажный дом в Тиргаргентале, расположенном за пределами города. Этот дом вскоре стали называть «виллой Виардо». См.: *Schwirtz Gregor*. Baden im Leben und Schaffen Turgenevs // I. S. Turgenew und Deutschland. S. 250.

⁷ Если буквально перевести обратно на русский язык заглавие книги в передаче Пича — «Tagebuch eines Jägers», — то оно будет звучать как «Дневник охотника». Первый полный немецкий перевод «Записок охотника» (в двух томах) действительно вышел под заглавием «Aus dem Tagebuche eines Jägers» (на немецком было бы правильнее передать заглавие так: «Aus den Aufzeichnungen eines Jägers») — первый том (в переводе Августа Видерта) появился у берлинского издателя Шиндлера в октябре 1854 г., а второй том (в переводе Августа Больтца) вышел у того же издателя в апреле 1855 г. О том, что осенью 1854 г. Теодор Шторм, будучи в Потсдаме, поощрял Видерта к работе над «Записками охотника» и похлопотал об издании этого перевода, см.: *Laage K.-E.* Theodor Storm und Iwan Turgenjew. S. 20. В своих воспоминаниях Пич пишет о сильном впечатлении, которое очерки Тургенева сразу произвели на него и других немецких литераторов. См.: *Pietsch*. S. 145–146. О биографии Видерта и его отношениях с Тургеневым см.: *Viedert Vladimir, Žekulin Nicholas G.* The Viedert — Turgenew Correspondence // *N Z Sl J*. 1991. P. 1–50; «Очень благодарен Вам, любезный Видерт...». Переписка И. С. Тургенева с А. Видертом / Публ. и примеч. Н. Жекулина и В. Видерта // *Бежин луг*. 1997. № 4. С. 138–158. См. также: *Laage Karl Ernst*. Zwei unbekannte Briefe des Turgenjew- und Gogol-Übersetzers August von Viedert // *Theodor Storm. Neue Dokumente, neue Perspektiven*. Berlin, 2007. S. 55–61.

⁸ Небезынтересно отметить, что Пич здесь передает заглавие романа неточно как «Väter und Söhne» («Отцы и сыновья»). В уже появившихся на тот момент французском и немецких переводах романа — т. е. в первом французском переводе, вышедшем у Шарпантье в Париже под заглавием «Pères et enfants» в мае 1863 г. (имя переводчика не установлено); в немецком переводе первых десяти глав романа, выпущенном Вильгельмом Вольфзоном под заглавием «Väter und Kinder» в двух номерах издававшегося им в Лейпциге журнале «Nordische Revue» за февраль — март 1865 г. (имя переводчика также не установлено); и в первом полном немецком переводе романа, который под заглавием «Väter und Kinder» печатался в штутгартской газете «Der Beobachter» с конца сентября по конец декабря 1865 г. — русское заглавие передается правильно, и только в первом английском переводе, осуществ-

ленном Юджином Скайлером и вышедшем отдельным изданием в Нью-Йорке в июне 1867 г., в заглавии появляются «сыновья» вместо «детей»: «Fathers and Sons». Когда в январе 1869 г. рижский издатель Бере заключил договор с Тургеневым о первом немецком собрании его сочинений, которое должно было открыться «Отцами и детьми», они решили переиздать немецкий перевод романа, появившийся в конце 1865 г. в «Der Beobachter». Впервые тогда познакомившись с этим переводом и убедившись в его неудовлетворительном качестве, Тургенев попросил Пича сличить его с французским и поправить немецкий слог (см. его письмо к Пичу от 3 (15) января 1869 г.: *ПССУП(2). Письма*. Т. 9. С. 123–124). Возможно, именно Пич переделал немецкое заглавие романа из «Väter und Kinder» в «Väter und Söhne» (на этот вопрос могли бы пролить свет письма Пича к Тургеневу, однако они, к сожалению, все утрачены). Под этим заглавием роман вышел у Бере в июне 1869 г., и именно оно, а не «Väter und Kinder», до сих пор устойчиво держалось в Германии.

⁹ «Призраки» — первое литературное произведение, которое Тургенев написал после того, как поселился в Баден-Бадене (завершены 13 июня 1863 г.). Как известно, «Призраки» впервые были опубликованы в вышедшем в марте 1864 г. первом номере «Эпохи» — журнала братьев Достоевских. Уже три месяца спустя Фридрих Боденштедт взялся за перевод этого произведения и закончил его довольно быстро, хотя с некоторыми трудностями, так как в отличие от других рассказов Тургенева, переведенных ранее им и его женой Матильдой, в данном случае нельзя было прибегнуть к уже существующей французской версии. Во время летнего пребывания у Тургенева в Баден-Бадене в августе 1864 г. Пич помог писателю в пересмотре и отшлифовке перевода Боденштедта (по рукописи). Этот перевод затем вошел во второй том переведенных Боденштедтом произведений Тургенева, который вышел в Мюнхене в ноябре 1865 г. См.: *Pannix Хорст*. Тургенев и Боденштедт // *ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 340–342; и также немецкую версию этой статьи: *Rappich Horst*. F. Bodenstedt und Turgenev // I. S. Turgenev und Deutschland. S. 227–231.

¹⁰ Пич цитирует здесь строки из знаменитого призыва Гомера в самом начале «Одиссеи» в переводе Иоганна Генриха Фосса: «Sage mir, Muse, die Taten des vielgewanderten Mannes, / Welcher so weit geirrt, nach der heiligen Troja Zerstörung, / Viele Menschen Städte gesehen und Sitte gelernt hat, / Und auf dem Meere so viel unnenbare Leiden erduldet, / Seine Seele zu retten und seiner Freunde Zurückkunft». В переводе В. А. Жуковского: «Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который, / Странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен, / Многих людей города посетил и обычаи видел, / Много и сердцем скорбел на морях, о спасенье заботясь / Жизни своей и возврате в отчизну спутников».

¹¹ В июне 1864 г. Тургенев купил участок земли в Тиргартентале недалеко от виллы Виардо и поручил парижскому архитектору, г-ну Оливу, строительство большого дома. Вилла, которая была задумана архитектором в виде замка в стиле Людовика XIII, строилась медленно из-за денежных затруднений Тургенева, вызванных прежде всего замужеством дочери в феврале 1865 г., для которой он должен был собрать приданое, и неблагоприятными поступками его дяди Н. Н. Тургенева, управлявшего тогда Спасским. Строительство было завершено лишь в июне 1867 г. Писатель, однако, не сразу смог поселиться в таком большом доме и некоторое время продолжал жить в квартире, нанятой им в доме семьи Анштетт на Шиллерштрассе (см. следующее примеч.). В начале 1868 г. он даже был вынужден фор-

мально продать свою виллу семье Виардо и только 17 апреля 1868 г. смог наконец переехать в нее. См.: *Schwirtz G. Baden im Leben und Schaffen Turgenevs. S. 253.*

¹² Приехав в Баден-Баден в мае 1863 г. с намерением поселиться там навсегда, Тургенев остановился сначала в гостинице «Bellevue», но вскоре переехал в меблированные комнаты в доме печника Георга Анштетта на Шиллерштрассе. Он прожил в этой квартире вплоть до переезда на собственную виллу, который состоялся в апреле 1868 г. С хозяйкой квартиры Минной Анштетт у Тургенева установились особенно теплые отношения. Когда Пич приезжал в Баден-Баден в летние месяцы, Тургенев уступал ему две комнаты в нанятой им квартире. Шторм также гостил у Тургенева на Шиллерштрассе в сентябре 1865 г.

¹³ К статье Пича приложена гравюра, исполненная по его рисунку, на ней изображены сцена и зрители на представлении оперетты «Последний колдун», которое состоялось на вилле Тургенева 23 сентября 1867 г. и о котором идет речь в дальнейшем. Этот рисунок неоднократно воспроизводился. См., например: Всемирная иллюстрация. 1869. 10 мая; *ЛН. Т. 73. Кн. 1. С. 179*; *Briefe an Pietsch*, на вклейке между с. 80 и 81.

¹⁴ Имеются в виду двухактные оперетты «Слишком много жен», премьера которой состоялась в начале августа 1867 г. в салоне виллы Тургенева, и «Последний колдун», премьера которого состоялась там же около 20 сентября 1867 г. (по предположению Н. Г. Жекулина). См.: *Žekulin Nicholas G. The Story of an Operetta: «Le Dernier Sorcier» by Pauline Viardot and Ivan Turgenev. München, 1989. P. 14.* Далее — *Žekulin. Le Dernier Sorcier.*

¹⁵ Как видно из дальнейшего текста статьи, Пич здесь имеет в виду прежде всего педагогическую деятельность П. Виардо, дом которой в Баден-Бадене, по его же словам, «считался в те годы как бы высшей школой пения, куда являлись юные таланты из всех стран, чтобы поучиться у знаменитой артистки» (из воспоминаний Пича о Тургеневе, появившихся в газете «Vossische Zeitung» в сентябре 1883 г. после смерти писателя. Цит. по: *Т в восп совр. Т. 2. С. 252*). Однако, чтобы лучше понять тогдашнее значение Баден-Бадена в музыкальном мире, следует указать и на то обстоятельство, что Эдуард Беназе, с 1848 г. директор курзала (т. е. казино), приглашал на летние сезоны в Баден-Баден самых выдающихся европейских музыкантов и оперных артистов, в том числе и П. Виардо, которая с 1856 г. регулярно выступала там на концертах.

¹⁶ Оперетты Виардо—Тургенева, которые были рассчитаны на домашнее исполнение, шли в сопровождении рояля. Играла сама Виардо, которая с рояля в то же время вела весь спектакль. Один «Последний колдун» впоследствии был оркестрован Виардо с помощью веймарского капельмейстера Эдуарда Лассена — для постановки оперетты на сцене профессионального театра, которая состоялась в веймарском придворном театре 8 апреля 1869 г. См. об этом статью Тургенева «Первое представление оперы г-жи Виардо в Веймаре»: *ПССУП(2). Соч. Т. 10. С. 293–302*. См. также: *Швиц Грегор.* Представления оперетты «Последний колдун» // *ЛН. Т. 73. Кн. 1. С. 212–216*; *Žekulin. Le Dernier Sorcier. P. 29–41.*

¹⁷ В 1864 г. Луи и Полина Виардо начали строить маленький театр для домашних и ученических спектаклей в саду своей виллы, но строительство было завершено лишь в конце 1868 г. Поэтому оперетты, написанные П. Виардо в 1867 г., пришлось поставить на «необитаемой вилле» Тургенева, которой в баденской сезон-

ной газете для курортников дали прозвище «Théâtre du Thiergarten». Что касается слов, которые Пич заключил в кавычки, — «leichtes Schaugerüst» («легкие подмости») — это скорее не цитата, а каламбур, построенный на контрасте между «легкостью» театральной сцены и «грузностью» военных орудий («schweres Kriegsgerst»). Вполне возможно, что этот каламбур был навеян шиллеровским «Прологом» к «Лагерю Валленштейна», заканчивающимся знаменитым стихом: «Ernst ist das Leben, heiter ist die Kunst» (в переводе С. А. Венгерова: «Жизнь сумрачна, но свет искусства ясен»).

¹⁸ *Августа* (1811–1890), с 1861 г. королева Пруссии, с 1871 г. германская императрица. Она была дочерью Карла-Фридриха, великого герцога Саксен-Веймар-Эйзенахского, и великой княжны Марии Павловны, являясь таким образом внучкой императора Павла I. В 1829 г. вышла замуж за принца *Вильгельма*, ставшего впоследствии под именем Вильгельма I королем Пруссии и императором Германии. Выросшая в маленьком веймарском герцогстве, которое Гёте сумел превратить в «германские Афины», Августа с юных лет увлекалась музыкой и живописью. Как отмечает Пич в своих воспоминаниях, Августа и Вильгельм всегда относились очень благосклонно к П. Виардо, с искусством которой они впервые познакомились, когда певица выступала в берлинской королевской опере во второй половине 1840-х гг. См.: *Pietsch*. S. 288. В Баден-Баден королевскую чету привлекала не только возможность послушать хорошую музыку (хотя это скорее относится к Августе, нежели к ее супругу), но и то обстоятельство, что их дочь Луиза с 1856 г. была замужем за великим герцогом Баденским Фридрихом I.

¹⁹ «„Музыкальные сеансы“», — как отмечает И. С. Чистова, — или, как чаще их называли, музыкальные утра (*matinées*) — устраивались на вилле Виардо начиная с 1864 г. в специально для этого построенном Концертном зале (Tonhalle) — просторном павильоне с органом и двумя концертными роялями» (*Чистова И. С. Тургенев и музыкальные утреники в Баден-Бадене // Т Сб. Вып. 1. С. 315*). В номере газеты «*Vossische Zeitung*» от 24 сентября 1865 г. появилась статья Пича «*Sommerfahrten. Saison von 1865. In Baden-Baden*» («Летние поездки. Сезон 1865 г. В Баден-Бадене»), в которой он подробно рассказал об этих утрениках. См.: *Briefe an Pietsch*. S. 262. Эти концерты проходили каждое воскресенье, а не только в летние месяцы. Гостивший у Тургенева в Бадене Теодор Шторм 11 сентября 1865 г. сообщал своему старшему сыну Гансу о своих впечатлениях от утреника на вилле Виардо, где присутствовала Августа: «Вчера (воскресенье) состоялось музыкальное утро (3–5 ч.) у Виардо. Там были одни принцессы, княгини, посланники и их жены, художники и друзья семьи. В переднем ряду сидела милая, добрая женщина. Это была королева Пруссии». См.: *Laage K.-E. Theodor Storm und Iwan Turgenjew*. S. 130. Это письмо также опубликовано: *Schultze Ch. Theodor Storm und Turgenjev*. S. 7–8, однако здесь в качестве адресата ошибочно назван другой сын Шторма — Эрнст. Это представление Пич также запечатлел в рисунке, который был впервые напечатан в газете «*Der Bazar*» за 8 декабря 1865 г. и впоследствии неоднократно воспроизводился: *Laage K.-E. Theodor Storm und Iwan Turgenjew*, на вклейке между с. 24 и 25 (в усеченном виде); *Т Сб. Вып. 1*, на вклейке между с. 320 и 321; *Briefe an Pietsch*, на вклейке между с. 32 и 33). Кроме исполнителей — А. Г. Рубинштейна за фортепьяно и П. Виардо за органом — Пич изобразил и слушателей, среди которых выделяются стоящие фигуры Дезире Арто, Тургенева, Шторма и Мануэля Гарсиа. На

креслах против фортепьяно сидят Августа и ее супруг Вильгельм I. Недаром, как жется, в своем письме к сыну Шторм не назвал прусского короля, а только королеву. Ведь уже с конца 1864 г., после победы соединенных австрийских и прусских войск над Данией в Шлезвиг-Гольштейне, всем стало ясно, что оба герцогства со временем станут частью Пруссии. В письмах к Пичу Шторм с негодованием писал о «грабительской политике Бисмарка» и «прусском терроризме». См.: *Laage Karl Ernst. Theodor Storm. Biographie. Heide, 1999. S. 116.*

²⁰ Речь идет не только о «Последнем колдуна», но и об оперетте «Слишком много жен». В письме к дочери от 28 августа (9 сентября) 1867 г. Тургенев сообщал, что она «имела такой успех, что ее давали пять раз, и прусская королева пожелала ее увидеть» (*ПССУП(2). Письма. Т. 8. С. 221. Подлинник по-франц.*). Полтора года спустя, в статье о веймарской постановке «Последнего колдуна», Тургенев, вспоминая о представлениях этих двух оперетт в своем доме в течение августа — октября 1867 г., к которым весной 1868 г. присоединился «Людоед», отметил, что «прусская королева» «была одною из самых постоянных наших посетительниц». Там же. *Соч. Т. 10. С. 293.*

²¹ Пич ошибся в дате. Представление на самом деле состоялось 23 сентября 1867 г., как следует из письма Тургенева к В. П. Боткину от 10 (22) сентября 1867 г.: «...вторая наша оперетка — „Le dernier Sorcier“ <<Последний колдун>> — сошла еще благополучнее первой: „Trop de femmes“ <<Слишком много жен>> (о которой говорится даже в фельетоне „Journal de Débats“) — завтра мы даем второе представление, на котором присутствуют король и королева прусские — rien que cela <не больше, не меньше — франц.>» (*ПССУП(2). Письма. Т. 8. С. 36–37.*)

²² Пич снова допустил небольшую неточность. Представление «Последнего колдуна», которое состоялось в присутствии короля Вильгельма 23 сентября 1867 г., стало не первым, а вторым представлением этой оперетты.

²³ Чтобы у себя дома в Берлине оформить этот беглый набросок в деталях и создать на его основе полноценный рисунок, по которому можно было выполнить гравюру для публикации в «Salon», Пич (который был талантливым рисовальщиком и, между прочим, иллюстрировал пятое издание знаменитого рассказа Т. Шторма «Immensee» (1857)) попросил Тургенева прислать ему фотографии, на которых дети П. Виардо, участвовавшие в оперетте «Последний колдун», были сняты в костюме эльфов, а также профиль скрипача Юбера Леонара (нарисованный П. Виардо?), который присутствовал на спектакле 23 сентября 1867 г. См. письма Тургенева к Пичу от 8 (20) октября 1867 г. и 14 (26) октября 1867 г.: *ПССУП(2). Письма. Т. 8. С. 51, 54.*

²⁴ В более ранней статье «Возвращение домой окольными дорогами» (о ней см. во вступит. статье), где он впервые писал об опереттах Виардо—Тургенева, Пич сравнил постановку «Последнего колдуна» с «идеальной сценой» писателя-романтика Людвиг Тика, который в результате своих исследований о драматургии Шекспира и его предшественников пришел к выводу, что надо вернуться к старинной английской сцене, обходившейся без затейливых и роскошных декораций. См.: *Briefe an Pietsch. S. 149.*

²⁵ На представлениях «Последнего колдуна» в сентябре — октябре 1867 г. партию царицы эльфов исполняла 15-летняя дочь Виардо — Клоди, а ее младшая сестра, 13-летняя Марианна, играла главного эльфа в свите царицы. Ни в этой статье, ни в «Возвращении домой окольными дорогами» Пич не обмолвился о том, что

роль ленивого и глупого слуги Кракамиша — Перлимпинпина — исполнял 10-летний Поль Виардо. См.: *Žekulin. Le Dernier Sorcier*. P. 16. Клара Шуман, которая по три раза слушала и «Слишком много жен», и «Последнего колдуна», в письме к Брамсу от 3 октября 1867 г. не забыла похвалить и самого младшего артиста в составе: «Ее <П. Виардо. — Л. С.> дети очаровательны, а сын ее — настоящий комический гений». Цит. по: *Friang Michèle. Pauline Viardot au miroir de sa correspondance*. Paris, 2008. P. 223.

²⁶ О музыке этого хора Тургенев писал следующее в своей статье о веймарском представлении «Последнего колдуна»: «Большой, весьма развитый и чрезвычайно мелодический хор (Лист особенно им любовался) оканчивает первый акт» (*ИССУП(2)*. Соч. Т. 10. С. 296).

²⁷ Ср. письмо Тургенева к П. В. Анненкову от 7 (19) октября 1867 г., в котором он писал о последнем в этом сезоне представлении «Последнего колдуна», состоявшемся два дня тому назад: «Гости остались довольны, а спич Кракамиша, в котором слегка пародировались спичи его величества Наполеона III, вызвал даже густой смех на августейшие уста короля Вильгельма. Шутите с нами после этого!!» (Там же. *Письма*. Т. 8. С. 49).

²⁸ *Беттина фон Арним* (урожд. Брентано; 1785–1859) — немецкая писательница, с 1811 г. жена писателя-романтика Йохима фон Арнима. Будучи студентом Берлинского университета, Тургенев посещал ее литературный салон зимой 1840/1841 г. См. его знаменитое «пантеистическое» письмо к ней: Там же. Т. 1. С. 181–184. Среди образцов «германского романтического и философского мира», с которыми Рудин в романе Тургенева (1856) знакомит Наталью Ласунскую, упоминается и книга Беттины фон Арним «Переписка Гёте с ребенком» (1835): Там же. Соч. Т. 5. С. 249.

²⁹ Графиня *Армаггард фон Флемминг* (урожд. фон Арним; 1821–1880) — вторая дочь Беттины фон Арним, с 1860 г. жена графа Альберта фон Флемминга (о нем см. следующее примеч.).

³⁰ Граф *Альберт фон Флемминг* (1813–1884) — прусский дипломат, любитель-виолончелист, с 1861 г. прусский посланник при баденском великогерцогском дворе в Карлсруэ. Отдыхая в Баден-Бадене в летние месяцы, он неоднократно участвовал в исполнении камерной музыки на утренниках П. Виардо. Описывая публику на представлениях оперетт Виардо—Тургенева в статье «Возвращение домой окольными дорогами», Пич заметил, что граф фон Флемминг «столь же виртуозен на дипломатическом поприще, как на виолончели». Цит. по: *Briefe an Pietsch*. S. 148.

³¹ Графиня *Максимилиана фон Ориола* (урожд. фон Арним; 1818–1894) — старшая дочь Беттины фон Арним, с 1853 г. жена графа Эдуарда фон Ориола (1809–1862), прусского офицера португальского происхождения. Овдовев в 1862 г., графиня Ориола поселилась в Берлине, где открыла музыкально-литературный салон.

³² Княгиня *Элизабет цу Каролат-Беутен* (урожд. графиня фон Гацфельдт-Трахенберг; 1839–1914) — в 1866 г. стала женой князя Карла цу Каролат-Беутен (1845–1912), но развелась с ним в 1881 г. Страстно влюбленный в нее старший сын Бисмарка Герберт фон Бисмарк (1849–1904) хотел во что бы то ни стало жениться на ней, однако отец наотрез воспротивился этому союзу.

³³ Хотя полное имя этой придворной дамы установить не удалось, весьма вероятно, что речь идет об одной из дочерей прусского государственного деятеля Фрид-

риха Вильгельма графа фон Бранденбурга (1792–1850) — незаконнорожденного сына прусского короля Фридриха Вильгельма II.

³⁴ Граф *Александр фон Шлейниц* (1807–1885) — прусский государственный деятель, в 1858–1861 гг. занимал должность министра иностранных дел, а с 1861 г. до самой смерти служил министром двора. Состоял в непримиримой вражде с Бисмарком, который ненавидел в нем не только либерала, но и доверенное лицо королевы Августы.

³⁵ Барон *Якоб Райц фон Френц* (1826–1884) — прусский чиновник и политик, в 1867–1869 гг. служил депутатом Свободно-консервативной партии в нижней палате парламента Пруссии.

³⁶ *Юбер Леонар* (1819–1890) — выдающийся бельгийский скрипач и композитор, в 1849 г. женился на певице Антонии Сичес де Менди (1827–1914), которая являлась племянницей старшего брата П. Виардо Мануэля Гарсиа (1805–1906). Сын П. Виардо Поль впоследствии стал учеником Леонара.

³⁷ *Генрих Абекен* (1809–1872) — прусский чиновник, помощник Бисмарка. После окончания теологического факультета Берлинского университета в 1834 г. стал пастором при прусском посольстве в Риме, а в 1848 г. вступил на службу в министерство иностранных дел. С 1862 г. являлся «незаменимым фактотумом» у Бисмарка. Данное ему французами прозвище — «перо Бисмарка» — Абекен косвенным образом оправдал летом 1870 г., так как именно он послал Бисмарку первую редакцию пресловутой «эмской депеши», которой «железный канцлер» воспользовался, чтобы спровоцировать Францию на объявление войны Пруссии.

³⁸ Граф *Герман фон Пюклер* (1797–1892) — при вступлении принца Вильгельма на престол Пруссии в 1861 г. был назначен обергофмаршалом нового короля.

³⁹ *Густав Фридрих фон Бейер* (1812–1889) — прусский генерал. Когда после заключения Пражского мира 23 августа 1866 г., завершившего австро-прусскую войну, великий герцог Баденский Фридрих I решил модернизировать баденскую армию по образцу прусской, фон Бейер был командирован в Карлсруэ в качестве военного атташе. В феврале 1868 г. с согласия Прусского главнокомандования он поступил на службу к великому герцогу Фридриху, который назначил его военным министром Бадена.

⁴⁰ Именно к изображению П. Виардо и Тургенева на этом рисунке неустановленный русский переводчик статьи Пича придирался, заметив, что Пич «сохрани<л> довольно верно черты некоторых лиц, за исключением г. Тургенева и г-жи Виардо». См.: «И. С. Тургенев в Баден-Бадене» // Современное обозрение. 1868 г., февраль. С. 98.

⁴¹ В отчете о состоявшемся 17 октября 1867 г. (последнем в «сезон» 1867 г.) представлении «Последнего колдуна», который Тургенев дал в письме к П. В. Анненкову от 7 (19) октября, писатель сделал ударение на присутствии среди гостей именно «высоких персон»: «Это 11-е представление было удостоено присутствия короля и королевы прусских, наследного принца и наследной принцессы прусских же, великого герцога и герцогини баденских, герцога и герцогини дармштадтских, принца и принцессы Вильгельма баденских (дочери Марьи Николаевны) и иных чрезвычайных особ, министров, генералов и т. д. Каково-с?» (*ПССиП*(2). *Письма*. Т. 8. С. 49). Пич же, создавая в статье «Возвращение домой окольными дорогами» обобщенный образ публики, которая наполняла салон Тургенева в течение августа — октября

1867 г., выделил прежде всего представителей европейской творческой «интеллигенции». Среди названных им личностей — Клара Шуман, немецкий дирижер Герман Леви, парижский композитор Якоб Розенгайн, итальянский пианист Антонио Перуцци, бельгийский скрипач Юбер Леонар, пианист Шарль Вильфрид де Берио (сын старшей сестры П. Виардо — Марии Малибран), парижский издатель Тургенева Пьер Жюль Этцель и Луи Виардо. См.: *Briefe an Pietsch*. S. 148–149. Выдержки из рецензий, которые Пич имеет в виду в настоящей статье, представлены в кн.: *Žekulin. Le Dernier Sorcier*. P. 17–21.

⁴² Пич здесь вольно цитирует стих из заключительной строфы стихотворения «Sokrates und Alcibiades» («Сократ и Алкивиад») великого немецкого поэта Фридриха Гёльдерлина: «Wer das Tiefste gedacht, liebt das Lebendigste, / Hohe Jugend versteht, wer in die Welt geblickt / Und es neigen die Weisen / Oft am Ende zu Schönem sich» («Кто мыслил о самом глубоком, тот любит самое живое; / Кто всмотрелся в мир, тот понимает пышную молодость / И мудрецы в конце концов / Зачастую преклоняются перед красотой»). Этими словами Сократ отвечает афинянам, упрекавшим его в том, что он так часто любит на Алкивиада, как будто нет более возвышенных предметов для созерцания. Стихотворение впервые было опубликовано в литературном ежегоднике Шиллера «Альманах муз» за 1799 г. Было бы интересно выяснить, каким образом Пич познакомился со стихотворением поэта, чье творчество в то время еще было мало известно, даже в Германии: первое однотомное издание стихотворений Гёльдерлина вышло в Штутгарте и Тюбингене в 1826 г., и лишь двадцать лет спустя появилось второе, несколько расширенное издание в двух томах. Насколько нам известно, Тургенев, как и большая часть русской публики в XIX в., не имел никакого представления о Гёльдерлине.